

Юй Лань проспал недолго. Когда он открыл глаза, Чжэн Шаньцы всё так же сидел на краю повозки с книгой в руках. Приподнявшись, молодой господин заметил рядом с собой трёх маленьких зайчиков, сплетённых из стеблей лисохвоста.

Он осторожно взял одну игрушку и погладил её по пушистой головке.

Цзинь Юнь на такое не был способен, а значит, зайцев сплёл Чжэн Шаньцы. У него оказались удивительно умелые руки. Лань долго рассматривал подарок, не в силах выпустить его из рук, а затем, наконец, сел и привычно перехватил волосы лентой.

Повозка катилась ровно. Слышался лишь мерный стук колёс да тихий шелест книжных страниц. Юноша отодвинул занавеску и выглянул наружу: они ехали среди гор, а впереди и позади виднелись другие экипажи — должно быть, путники из благородных семей, судя по сопровождающим их слугам.

Заметив, что супруг проснулся и увлечённо вертит в руках зайчика, Шаньцы отложил книгу. Лань тут же полюбопытствовал:

— Шаньцы, что за книгу ты читаешь?

Тот молча показал обложку.

— «Законы Великой Янь»? Какая скука, — Лань разочарованно поморщился. — Ну и что в них интересного?

Вскоре горное ущелье осталось позади, и перед ними раскинулась равнина. Деревень поблизости не было, лишь дорожная пыль клубилась за колёсами. До ушей начальника уезда то и дело доносились выкрики возниц из идущих следом повозок — похоже, это были купцы, переправлявшие свой товар неведомо куда.

К закату, когда экипажи окрасились в золотистые тона уходящего солнца, путники достигли ворот небольшого города. Ван Фу предъявил страже пропускные документы. Солдат мельком взглянул на бумаги и коротко бросил:

— Проезжайте!

Повозка медленно въехала в городские пределы.

— Господин, куда прикажете? — донёсся голос Ван Фу. — В постоялый двор или на почтовую станцию?

Почтовые станции изначально создавались для нужд императорских гонцов, чтобы те могли сменить коней и передохнуть, и находились под надзором местного уездного начальника. Со временем их функции расширились: они служили пунктами отправки и получения корреспонденции, своего рода древней службой доставки. Кроме того, здесь могли найти кров чиновники, следующие к месту службы или возвращающиеся в столицу.

— На почтовую станцию, — распорядился Шаньцы.

В казённом заведении под присмотром официальных лиц всегда было спокойнее. Постоялые дворы кишели самым разным людом, а в пути излишняя осторожность никогда не помешает. Ланьши промолчал; ему было всё равно, где ночевать, ведь он никогда раньше не останавливался в подобных местах, и всё вокруг казалось ему в новинку.

Отодвинув занавеску, молодой господин с интересом оглядывался. На улицах уже начали сгущаться сумерки, и людей было заметно меньше, чем в вечно шумном Шэнцзине. Столица затихала лишь глубокой ночью, а вечерняя жизнь там была ключом, порой ярче, чем днём. Особенно в праздники, когда небо расцветало огнями фейерверков, а грохот петард не смолкал до рассвета.

Взгляд Ланьши упал на одного гэ'эр, чьи одежды казались необычного кроя, но, присмотревшись, он понял, что такие фасоны в столице носили ещё в прошлом сезоне, и скупающе отвернулся. Ничего стоящего внимания пока не попадалось.

«Вот поужинаем, тогда и прогуляемся по ночному рынку», — решил он.

У дверей почтовой станции их встретил смотритель. На этот раз Чжэн Шаньцы сам вышел из повозки и предъявил указ о своём назначении. Старина Чжоу почтительно склонился:

— Прошу вас, господин Чжэн, проходите внутрь. Можете звать меня просто старина Чжоу.

Мужчина кивнул и обернулся, чтобы помочь супругу спуститься.

— Господин Чжэн, отправиться к месту службы с таким очаровательным супругом — истинное благословение, — не удержался от похвалы смотритель.

Опытный глаз старины Чжоу сразу подметил, что наряды и украшения молодого господина стоят баснословных денег, а его благородная осанка выдавала в нём баловня судьбы, не знавшего лишений.

— Мы только поженились, а мне уже пора к месту службы, — мягко ответил Шаньцы. — Так что я просто не мог оставить своего фулана.

Старина Чжоу понимающе закивал:

— Да, уезжать сразу после свадьбы — это и впрямь слишком поспешно.

Юй Лань молча шёл следом. Слушая их разговор, он невольно подумал, что муж умеет находить общий язык с людьми не хуже искушённых столичных чиновников.

В общем зале Шаньцы заметил две группы людей. За одним столом сидели двое молодых господ в дорогих сычуаньских шелках; их манеры выдавали спесь и высокомерие. За другим ужинал мужчина средних лет с суровым лицом, которому прислуживал стоявший за спиной слуга.

— Господин Чжэн, прошу наверх, — пригласил смотритель.

Комната была обставлена скромно: стол, кровать да кадка для купания, но всё сияло чистотой.

— Если что понадобится, господин Чжэн, просто позвоните в колокольчик у кровати или пошлите слугу вниз. Мы сделаем всё возможное, чтобы вам было удобно.

— Время уже позднее, а мы с супругом ещё не ужинали.

— Сию минуту распоряжусь, чтобы принесли горячее, — заверил старина Чжоу.

— А мои люди?..

— О них не беспокойтесь. Пусть ваши охранники и этот гэ'эр поужинают с нами на кухне, — гостепиимно отозвался старик.

Шаньцы на мгновение задумался и, достав из-за пазухи кусочек серебра, протянул его смотрителю:

— Когда я поднимался, видел внизу постояльцев. Не подскажете, кто они?

При виде денег улыбка старика стала ещё шире:

— О, те двое юнцов — из знатного рода Ян, люди непростые, с ними лучше не спорить. А мужчина — это чиновник Цзи, он получил повышение и едет в столицу.

Шаньцы удовлетворённо кивнул.

Цзинь Юнь тем временем уже вовсю хлопотал в комнате: он перестелил постель, заменив казённые жёсткие матрасы на привычные Лань перины. К столовым приборам он и вовсе побоялся прикасаться, пока сам их не перемыл. Муж лишь молча наблюдал за этой суетой.

Путь был долгим, и хороший отдых был необходим; если супругу так будет спокойнее, он не станет возражать.

Ланьи с комфортом растянулся на кровати, но сон не шёл — его будоражило любопытство.

— Шаньцы, зачем ты расспрашивал про тех людей?

Казалось бы, им здесь всего ночь провести, к чему эти лишние знания о случайных встречах?

— Ради спокойствия, — улыбнулся Чжэн Шаньцы. — Чтобы не ввязаться в ненужный спор или, если придётся столкнуться, не гадать, кто перед тобой. Поверь мне, те трое сейчас наверняка тоже расспрашивают о нас.

Ланьи лишь неопределённо хмыкнул, не до конца понимая эту чиновничью осторожность. Он привык, что случайные прохожие не заслуживают внимания. Его благородное происхождение порой наделяло его не только высокомерием, но и опасной наивностью. В семье Юй все были хитры и расчётливы — от маркиза до Юй Шияня, — каждый просчитывал свои шаги наперёд. Ланьи же был слишком изнежен любовью родителей. Если бы его мужем стал кто-то другой, вряд ли бы он смог долго терпеть его капризы, несмотря на все будущие выгоды от родства с хоу Чаняном.

— Шаньцы, давай сходим погулять, — вдруг предложил юноша.

В незнакомом городе ему было немного не по себе, и, хотя он собирался взять Цзинь Юня, общество мужа казалось ему более надёжной защитой.

— Хорошо.

Принесли ужин. Шаньцы плотно поел, а Ланьи съел лишь половину своей порции, решив оставить место для уличных лакомств.

Предчувствия Чжэн Шаньцы не обманули. Едва молодые господа Ян закончили умываться, как вручили старине Чжоу монету:

— Кто это приехал сегодня с таким обозом?

Смотритель охотно выложил всё как на духу:

— Это господин Чжэн, новый начальник уезда Синьфэн.

— Ясно, можешь идти.

Второй молодой господин Ян пренебрежительно фыркнул:

— Всего лишь мелкий чиновник, не о чем и говорить.

— Не скажи, брат, — возразил Третий молодой господин Ян. — Ты видел, во что одет его супруг? Такой шёлк поставляют из Цзяннани только для императорского двора.

Младший Ян заметил это сразу: ткань на Ланьи была той самой «небесной нитью», которую цзяннаньские кланы подносили в дар государю. Всего двадцать рулонов в год! Император одаривал ею лишь самых близких и преданных сановников.

— Ты хочешь сказать, они не так просты?

— Скажем так, вежливость в общении с ними нам не повредит.

Чиновник Цзи, узнав, что прибыл всего лишь будущий глава уезда, спокойно лёг спать. Раз чин гостя был ниже его собственного, он не видел нужды проявлять излишнее внимание.

Ланьи, завидев лотки с едой, весь преобразился. Он перебегал от одного торговца к другому, пробуя всё подряд и заставляя Шаньцы держать покупки.

Набив рот жареными клёцками, он с трудом проглотил кусок и, наколов на шпажку ещё один, поднёс его к губам мужа:

— Попробуй!

У Шаньцы обе руки были заняты свёртками, и ему ничего не оставалось, кроме как принять угощение из рук супруга.

— Вкусно?

— Вкусно, — подтвердил тот.

Внезапно они наткнулись на танец льва. Ланьи, сверкая глазами в свете факелов, потащил Шаньцы в самую гущу толпы:

— Смотри, как здорово!

Мужчина, нагруженный едой, старался не отставать от супруга, пока Цзинь Юнь помогал ему нести часть ноши. Вокруг были семьи с детьми и молодые пары, пришедшие поглазеть на представление. Шаньцы чувствовал себя слугой при капризном господине, таскающим за ним покупки.

— Почтенная публика! Кто может — подайте на пропитание, кто не может — поддержите добрым словом! — крикнул один из артистов, обходя толпу с подносом.

Ланьи, пребывая в прекрасном расположении духа, уже полез за пазуху за золотым слитком, но Шаньцы вовремя перехватил его руку и вложил в ладонь фулана пригоршню мелкого серебра. Тот послушно бросил монеты на поднос.

Когда представление закончилось, время уже близилось к ночи.

Они вернулись в почтовую станцию уставшие, но довольные. Слуги уже принесли горячую воду для купания. Шаньцы по привычке собрался выйти, чтобы не мешать супругу.

— Шаньцы, посмотри, закрыто ли окно? — Ланьи вдруг почувствовал укол страха: всё-таки они были не дома.

Шаньцы тщательно запер створки.

— Теперь и муха не пролетит. Не бойся, я буду прямо за дверью. Если что — зови.

Ланьи торопливо кивнул.

Закончив омовение, юноша забрался под одеяло и позвал мужа. Шаньцы вошёл, собираясь тоже помыться, а Ланьи тем временем замер на кровати, не желая выходить в холодный коридор.

Шаньцы с улыбкой посмотрел на комочек под одеялом — молодой господин уткнулся лицом в подушку, изображая спящего. Для Шаньцы, привыкшего к общим баням, в купании при свидетелях не было ничего особенного.

Чувства Ланьи обострились до предела: он слышал каждый шорох одежды, которую снимал муж. Затем раздался всплеск воды.

Юноша осторожно перевернулся, прижавшись к стене, и прикрыл пылающие уши ладонями. Его лицо залил густой румянец, доползший до самой шеи. Раньше Шаньцы мылся за закрытой дверью, а теперь между ними не было никакой преграды.

Не выдержав, Ланьи приоткрыл щёлочку в одеяле и принялся подглядывать.

«Я вовсе не из любопытства, — убеждал он себя, — просто хочу знать, чем он там занят».

На уровне его взгляда был лишь край кадки, за которым виднелась шея мужа и его красивое лицо в облаке пара. Ланьи этого было мало. Его сердце бешено колотилось. Шаньцы сидел, закрыв глаза и положив руки на края кадки.

«И всё-таки руки у него очень крепкие», — невольно отметил он.

Шаньцы и не подозревал, что за ним наблюдают. Его мысли блуждали между делами в Синьфэне и образом Юй Ланьи. Он заметил, что супруг до сих пор ни разу не пожаловался на тяготы пути, лишь изредка проявляя характер, что было вполне простительно. С этим гэ'эром оказалось не так уж трудно ладить.

«Как же так вышло, что прежний владелец этого тела не выдержал и убил его?»

Размышляя о финале этой истории, Шаньцы почувствовал, как в его душе рождается щемящая нежность к этому юноше. Ему стало бесконечно жаль Ланьи, который в расцвете лет мог так трагически погибнуть. Это чувство горечи и сострадания затопило его сердце.

Мужчина вышел из воды, вытерся и надел нижние одежды. Ланьи тут же с головой нырнул под одеяло, боясь быть пойманным.

— Я погашу свечу, — донёсся голос Шаньцы.

— Гаси.

Ланьи высунул нос из-под одеяла. Волосы его слегка намокли, он забился в самый угол кровати, стараясь занять как можно меньше места. Постель была узкой, и когда Шаньцы лёг, они оказались прижаты друг к другу плечами. Муж чувствовал, что половина его тела буквально висит в воздухе.

Он вздохнул и осторожно тронул Ланьи за плечо.

— Ой! — юноша подпрыгнул от неожиданности.

Шаньцы замер.

— Что такое? — шёпотом спросил тот.

— Подвинься немного, не прижимайся к стене, она холодная.

— Хорошо.

Ланьи нехотя придвинулся ближе, ощущая исходящий от мужа жар и запах влаги. Краска снова залила его лицо. Он почти ничего не разглядел, лишь мельком увидел обнажённую грудь Шаньцы, но и этого хватило, чтобы смутиться до глубины души.

Кровать и впрямь была тесноватой.

Юноша перевернулся на бок, подложив руки под подушку, и замер, во все глаза глядя на Шаньцы. В этой непривычной тишине супруг казался совсем другим человеком.

Муж, конечно, чувствовал на себе этот взгляд.

— Не спится? — негромко спросил он.

Ланьи лишь покачал головой. Помолчав, он вдруг спросил:

— Шаньцы, а какие люди тебе нравятся?

И тут же поспешно добавил:

— Я просто так спрашиваю, из любопытства.

Шаньцы задумался, не желая отделяться пустой фразой.

— Не знаю... Наверное, чтобы были красивы собой и обладали добрым нравом.

Ланьи довольно прищурился. Красотой он уж точно не был обделён, да и характер свой считал вполне сносным. Настроение его мгновенно улучшилось.

— Спи давай. Завтра снова в путь.

Юноша тихо отозвался и закрыл глаза.

Этот день был полон новых впечатлений, но в глубине души он всё равно тосковал по дому. Шаньцы уже спал, а Ланьи всё продолжал украдкой разглядывать его. Скоро они приедут в Синьфэн, и там у него не будет ни отца, ни папы — только Чжэн Шаньцы станет ему самым близким человеком.

Деревня Цинсян

— Семья Чжэн! Вам письмо из столицы! — раздался громкий крик на всю округу.

Отец Чжэна трудился в поле, и дома был только младший сын, Цинъинь. Услышав зов, он выбежал за ворота и принял конверт.

— Это от Шаньцы? — посыпались вопросы от соседок. — Он ведь как сдал экзамены, так ни разу и не писал. Небось, чин получил?

С тех пор как Шаньцы стал цзиньши, всё семейство ходило с гордо поднятой головой. «Все ремёсла низки, лишь учение высоко». Даже сюцай имел право не склонять колен перед чиновниками и освобождался от налогов на пятьдесят му земли. А цзиньши и вовсе был величиной недосягаемой — он ведь самого императора видел!

Шаньцы ещё не был женат, и многие в деревне мечтали породниться с семьёй Чжэн, хотя в тайне понимали, что надежды мало. Молодой господин стал «золотым фениксом», вылетевшим из их глуши, вряд ли бы он выбрал себе супруга в родной деревне.

Младший Чжэн, Цинъинь, тоже ещё не был помолвлен, и местные парни так и вились вокруг него, но тот редко выходил из дома без сопровождения старшего брата, Шаньчэна.

— Скорее позовите отца Чжэна и Шаньчэна! Пусть бросают дела и идут домой. Я за всю жизнь не видал писем из самого Шэнцзина!

— И позовите паренька Хэ, пусть прочтёт, что там написано.

Хэ Тянь был сыном старосты. Он несколько лет проучился в городской академии, но экзамены так и не сдал. Теперь он перебивался в деревне тем, что писал письма и праздничные надписи. Ходили слухи, что отец хочет отправить его в город учиться на счетовода.

Шаньчэн в это время трудился в поле, а его супруг, Гэ'эр Линь, отдыхал неподалёку.

Девушка Мяо прибежала к ним запыхавшись:

— Брат Шаньчэн! Шаньцы прислал письмо из столицы! Скорее идите домой! Я побежала за вашим отцом.

Шаньчэн бросил мотыгу и утёр пот со лба. Лицо его озарила сияющая улыбка:

— Письмо от Шаньцы! Он ведь цзиньши, наверняка чин получил! Пошли скорее.

Гэ'эр Линь тоже не скрывал радости. Письмо из самой столицы — это же какой почёт перед соседями!

— Ещё ничего не известно, а ты уже сияешь, — шутливо пожурил он мужа.

— Да-да, всё как ты скажешь, — отозвался Шаньчэн, но шаг прибавил.

Отец Чжэна и Фулан Чжэн, услышав весть, побросали все дела и со всех ног бросились домой.

У их ворот уже собралась толпа любопытных. Циньинь суетился, угощая всех чаем и семечками. Хэ Тянь явился незамедлительно. Он ждал, пока соберётся всё семейство, едва сдерживая с недавнее его нетерпение.

— Циньинь, подлей мне чаю, — мягко попросил он.

Юноша не хотел подходить, но при людях не решился отказать и подошёл с чайником.

Пользуясь тем, что их не видят за спинами соседей, Хэ Тянь на мгновение сжал руку Циньиня. Голос его прозвучал подобно шипению змеи:

— Ты сегодня напудрился? Пахнет так сладко...

Циньинь испуганно отдернул руку и поспешил скрыться в доме, прижимая к груди заветное письмо.

— Циньинь, где письмо?! — ворвался в дом Шаньчэн.

Младший брат с облегчением протянул ему конверт. Шаньчэн от волнения побоялся сам вскрывать его и передал Хэ Тяню. Родня и соседи обступили их плотным кольцом — такого оживления в деревне не бывало и на свадьбах.

— Старина Чжэн, ну что ты так медлишь! Все тебя ждут! — кричали из толпы.

— Иду, иду... — запыхавшийся отец Чжэна вошёл во двор и кивнул сыну: — Вскрывай.

Шаньчэн распечатал письмо и протянул лист Хэ Тяню:

— Прочти нам, пожалуйста.

Паренек Хэ взял бумагу. В глубине души он завидовал Чжэн Шаньцы до боли. Стать цзиньши — великая честь, которой удостоиваются лишь три сотни человек раз в три года. Он сам отдал бы всё за такую удачу.

Скрывая бурю чувств под маской благовоспитанности, он начал читать:

— «Словно встретились на бумаге. Ваш сын провёл в Шэнцзине много дней и, оправдав ваши надежды, получил от двора назначение — чин седьмого ранга, начальника уезда Синьфэн. Ввиду непредвиденных обстоятельств в столице, я уже вступил в брак. Из-за спешности отъезда не успел испросить вашего благословения, о чём искренне сожалею. Моего супруга зовут Юй...»

Голос Хэ Тяня дрогнул, когда он дошёл до чина Шаньцы. Дыхание его участилось, а на обычно спокойном лице проступило выражение, граничащее с безумием.

— Читай же дальше, паренёк Хэ!

— Да, расскажи, что за гэ'эра он взял в жёны! — торопили его сельчане.

Новость о женитьбе Шаньцы в столице вызвала пересуды: к чему такая спешка? Неужто случилось что-то постыдное, раз он не известил родителей?

Хэ Тянь сжал лист так, что побелели костяшки. Взгляд его на мгновение встретился с глазами Циньиня, и он продолжил:

— «Мой супруг — знатного происхождения, законнорождённый гэ'эр из поместья маркиза Чаняна. По воле случая мы полюбили друг друга и, так как мне нужно было немедля ехать в Синьфэн, решили обвенчаться в столице. Если у отца, папы и братьев будет желание — приезжайте ко мне в Синьфэн. Ваш сын будет чтить вас и заботиться о том, чтобы наша семья жила в согласии и процветании».

Хэ Тянь замолчал. В его голове не укладывалось: начальник уезда... супруг из дома маркиза... Зависть жгла его изнутри. Теперь он завидовал не столько званию цзиньши, сколько тому, какую опору обрёл Шаньцы в лице новой родни.

— Шаньцы стал начальником уезда! И женился на сыне самого маркиза! Как в сказке! — закричал кто-то в толпе. — Над могилами предков Чжэн воистину зажётся благодатный огонь!

Родня буквально светилась от гордости. Раньше они были простыми пахарями, а теперь один из них стал важным чиновником, да ещё и породнился с великим домом. О таком они и мечтать не смели.

Отец Чжэна, услышав о назначении сына, не выдержал и разрыдался, вытирая слёзы рукавом:

— Хорошо... мой славный сын!

— Ну что ты плачешь в такой день, — ласково укорил его Фулан Чжэн, хотя у самого глаза были на мокром месте.

— Это от радости... Завтра же пойдём на кладбище, принесём жертвы предкам, пусть порадуются за нас.

Фулан Чжэн зашёл в дом и вынес связку монет:

— Шаньчэн, Гэ'эр Линь, ступайте в город. Купите мяса и доброго вина, сегодня мы празднуем!

— Будет сделано, папа! — радостно отозвался Шаньчэн.

Циньинь остался во дворе развлекать гостей. Соседи, хоть и завидовали, были не дураки: теперь ссориться с семейством Чжэн было себе дороже. Когда Шаньцы осядет в уезде, на их деревню все станут смотреть с почтением, да и налоги, глядишь, будут собирать не так рьяно.

Хэ Тянь задумчиво смотрел на чайники в своей чашке. Его тяготили разговоры вокруг, и он лишь скупко отвечал на поздравления.

«Шаньцы велел всей семье ехать в Синьфэн... Это же прекрасно! — доносились до него чужие голоса. — Там он будет полновластным хозяином, им больше не придётся гнуть спину в поле, а Циньинь сможет найти себе завидного мужа».

Заметив, что Циньинь скрылся в доме, он медленно встал со своего места.

«Почему же Шаньцы так везёт?»